

МОЙ

Э. Успенский

Меховой интернат

«МАСТРИД»

Эдуард Николаевич Успенский
Меховой интернат
Серия «Мой Э. Успенский»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6595177

Меховой интернат: АСТ; М.; 2013

ISBN 978-5-17-093430-0

Аннотация

Повесть Э.Успенского «Меховой интернат» очень загадочная. В обыкновенном дачном посёлке появляется некое образовательное учреждение, в котором живут и учатся похожие на обычных зверей существа: ласка, волк, белка и другие. Только они разумные, умеют разговаривать и хотят учиться. А учить их приглашают четвероклассницу Люсю Брюкину. Кто бы мог подумать, что рассеянная и не очень усердная ученица превратится в самого заботливого и мудрого педагога!

Для младшего школьного возраста.

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	17
Глава третья	45
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Эдуард Николаевич Успенский Меховой интернат

© Успенский Э. Н., 2013

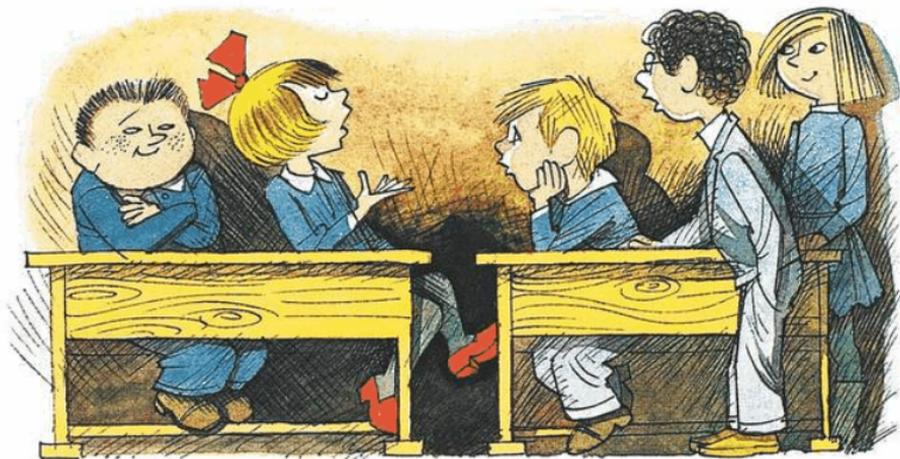
© Чижиков В. А., ил., 2013

© ООО «Издательство АСТ», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Рисунки В. Чижикова

Глава первая МЕХОВОЙ ИНТЕРНАТ ОТКРЫВАЕТСЯ

Наступила осень, и огромный весёлый дачный посёлок на станции Интурист опустел в один день. Только семья Люси Брюкиной никак не могла уехать. Их грузовик задерживался. Папа и мама с удовольствием читали книжки, лёжа на вещах, а Люся пошла побродить по пустым дачным переулкам.

Около дачи номер восемь валялся совок.

На даче номер пять висели трусики.

На крайней пятнадцатой даче развевались огромные си-

рневые трусищи.

И только одна вечно заколоченная дача у самого леса почему-то расколачивалась. Какой-то меховой пузатый гражданин, дымя трубкой, отдира ломиком щиты от окон.

Люся так и наполнилась любопытством, как парус ветром. Её приподняло и понесло к этому дому.

Батюшки! Гражданин был барсук. Ростом повыше Люси. Важный и с повадками дворника из хорошей семьи.

– Здравствуйте! – сказала девочка.

– Здравствуйте! – ответил барсуковый гражданин. – Вы думаете – я дворник? Я – директор. А дворник я на полставки. У нас с персоналом трудности.

Он отвлёкся на Люсю. Тут большой щит, оставленный без присмотра, под своей тяжестью отлип от стены и полетел вниз.

Сейчас прихлопнет директора!

И точно – раздался треск, и дворниковый директор, накрытый щитом, рухнул наземь.

Люся почувствовала себя виноватой и бросилась поднимать его.

– Ничего, ничего! – говорил барсук. – Лишь бы щит был цел!

Со щитом ничего не сделалось.

– А вы по объявлению пришли? Или просто так? – спросил директор.

– По какому объявлению?

– Вон по тому. Которое висит у входа.

Люся вернулась ко входу на участок и прочла объявление на доске. Оно было такое:

МЕХОВОМ И ИНТЕРНАТУ НУЖНА
УЧИТЕЛЬНИЦА ХОРОШЕГО ПОВЕ-
ДЕНИЯ И ПИСЬМА. ПРИГЛАШАЮТ.
СЯ ДЕВОЧКИ ИЗ ТРЕТЬЕГО-ЧЕТВЕР-
ТОГО КЛАССОВ. ЗАНИМАНИЯ
БУДУТ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМ.
ОПЛАТА ХЕНДРИКАМИ,
СКОЛЬКО ДОГОВОРИМСЯ.

– Это очень интересно! – сказала Люся строгим, взрослым тоном. – Но я хотела бы посмотреть учеников.

– Сейчас я их вам покажу, – сказал барсуковый дворник. – Пройдёмте в директорскую.

Они вошли в небольшой щитовой домик, стоявший на этом же участке.

Там на стене висела фотография класса. Фотография как фотография. Впереди ученики поменьше, сзади посолиднее и помордастее. Но все они были звери. Меховые, ушастые и глазастые.

– А что? – сказал барсук. – Вполне достойные интернат-

ники.

– Очень достойные интернатники, – согласилась Люся. – И они будут меня слушаться?

– А как же? А то им не дадут большой разлинованной Хвалюндии в конце года.

– Тогда другое дело, – важно сказала девочка, хотя она и в глаза не видела большой разлинованной Хвалюндии. – Тогда я согласна.

– Остается только договориться об оплате. Я думаю, четыре хендрика – это нормальная плата.

– Нормальная, – сказала девочка. – Для начала. А потом посмотрим.

Люсе понравилось, как она себя вела. Очень правильно. А что такое хендрики? Это деньги или вещи? Можно на них купить зонтик или куклу? Можно их дарить на день рождения? Тогда четырьмя подарками для своих друзей она уже обеспечена.

Барсуковый директор и девочка вместе были счастливы.

– Может, чаю хотите помидорового?

– Нет, спасибо.

– А то, если желаете, я могу угостить вас свежевывытой картошкой.

– Мне что-то сейчас не хочется свежевывытой картош-

ки, – светски отказалась девочка.

Барсук наклонился к ней и заговорщицким голосом сказал:

– У меня ещё есть засахаренная красная свёкла для самых важных гостей. Давайте откроем кругляшок.

– Я обожаю засахаренную свёклу, – сказала Люся. – Но не следует открывать. Отложим до другого раза.

Кажется, директор расстроился. Видно, важные гости приходят не часто, и неизвестно, когда ещё он сможет раскупорить эту засахаренную гадость в кругляшке.

– Значит, я жду вас в следующее воскресенье в десять. Интернатники как раз прибудут и будут готовы. Простите, а как вас зовут?

– Люся Брюкина.

– Прекрасная фамилия. Очень аристократическая. – Он с удовольствием повторил: – Люся Брюквина! А меня зовут Мехмех.

– Мехмех? А отчество?

– Мехмех это и есть с отчеством. Потому что полностью я – Меховой Механик.

Тут заревел гудок грузовика с участка Люсиных родителей. И Люся помчалась к своим, грузить вещи. Шкафы, диваны, лампочки и газовые плиты.

На первый урок она решила надеть строгое коричневое платье, которое папа привёз ей из заграничной командиров-

ки. Жёлтые осенние сапоги и меховую шапку. Только она не знала – стоит ли ей накрасить губы или это непедагогично? А папе с мамой она ничего рассказывать не стала. Зачем осложнять им жизнь?

Междуглавие первое

МЕЖДУ ДВУМЯ ВОСКРЕСЕНЬЯМИ

События на неделе были такие: Карина Мариношвили, главная Люсина подруга, влюбилась в старосту Игоря Трофимова. А Игорь Трофимов сказал, что она бестолковая и шумная. Что Катя Лушина лучше: она любит зверей. Папа окончательно заявил, что он не домработница и что не на-

до из журналиста делать крепостного крестьянина, что пока он стоит в очереди в магазине, у него весь талант пропадает. Мама ответила, что его таланту грош цена, раз он пропадает. Что талантливых много, а трудолюбивых нет. На завуча Эмилию Игнатъевну решили написать всем классом заявление... вернее, половиной класса... просто активной группой... Решили они с Кариной на завуча Эмилию Игнатъевну в милицию написать. Оставляет всех на продлёнку и ругается. Карину назвала дурочкой, потому что Карина подметала неправильно... Она пыталась мусор по лестнице со второго этажа на третий поднять. Пусть ей в милиции объяснят, что завучи ругаться не имеют права... Кате Фридман купили бархатные штаны, а она ещё в школу не ходит... Вчера вызвали Спальникова отвечать. Он вместо:

Мороз и солнце; День чудесный!

прочитал:

Матрос и солнце; Пень чудесный!

Все смеялись, а ему двойку вlepили за шутовство... Стали проходить дроби... Очень трудно умножать столбиком большие числа. Например, надо умножить 257,374 на 983,542. Хорошо, что папа принёс японскую счётную машинку с работы. На ней можно незаметно считать. Катя Лушина была в кино, разговаривала с мальчиком... Он спра-

шивал, носят ли в их классе джинсы и жуют ли жвачку? Катя сказала, что джинсы носят секретно – под школьной формой, а жвачку жуют на переменах в специально отведённых для этого местах...

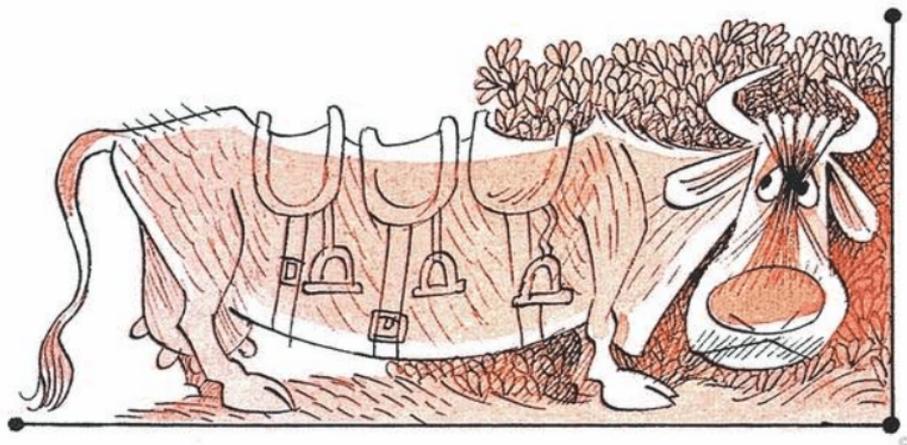
А в общем, уроки, уроки, уроки. Уроки в школе, уроки дома... В свободное время для развлечения и отдыха посылают в очередь в магазин... Хорошо ещё, что в нашей стране по телевизору кино показывают. Особенно мультипликацию.

Глава вторая

МЕХОВЫЕ ИНТЕРНАТНИКИ

В электричке Люся волновалась и листала учебник. Ещё бы – учительница едет. И вдруг она поняла, что беличья модная меховая шапка не очень-то понравится интернатникам. Она запихнула шапку в пластмассовый пакет для тапочек и вышла из электрички на пустую платформу.

Платформа была странная. И родная, и незнакомая. Она просто оглушала девочку тишиной... И одинокостью.

На дороге к дачному посёлку всё было по-другому. Не как летом. Никто никуда не спешил с авоськами и портфелями. Никого не встречали шумные разнокалиберные дети. Не бы-

ло скакальных девочек. Не мотались во все стороны мальчишки на велосипедах и на мотоциклах. Тишь да осень.

Одна чёрная бородатая коза пыталась съесть или прочесть объявление на заборе. Люся подошла и прочитала: «Продается трёхместная... новая... породистая...»

А дальше коза откусила. Самое интересное. Что продаётся? Дача? Корова? Но разве бывают породистые дачи? Или трёхместные коровы? Тем более новые?

...Ворота дачного посёлка были распахнуты. Сам посёлок пуст. Люся с аристократической фамилией заволновалась. На месте ли достойные интернатники? Ждёт ли её меховой механик Мехмех? Найдётся ли для неё порция свежевывитой картошки? Или кругляшок засахаренной свёклы? Или всё это привиделось ей в прошлое предсентябрьское воскресенье?

Слава богу, всё было в порядке. Барсуковый директор встречал её у калитки. На этот раз он имел явно директорский вид. Он был в пиджаке и в шляпе с украшениями. Скорее всего, эту шляпу с цветочками забыла на скамейке какая-нибудь легкомысленная пенсионерка. А куриным пером её украсил сам Мехмех. Но так или иначе, она явно прибавила ему элегантности. Не на всякой помойке найдёшь такую штуку.

– Здравствуйте, уважаемая девочка! Ваши ученики ждут вас.

– Здравствуйте, Меховой Механик.

– Не надо церемоний. Зовите меня просто дир! Ваш урок начинается через десять минут. Идёмте, я вам дам чашку картофельного кофе и ознакомлю с Главным Бумажным Получальником.

Люся вошла за ним в отдельный домик, в директорскую, и строго стала пить по глоточку что-то помоечное из чашки.

– Вот. Это Бумажный Получальник. Вы умеете им пользоваться?

– Я видела такие, – уклончиво ответила Люся.

Потому что этот бумажный наполовину чальник явно напоминал классный журнал.

– Здесь стоят получалки для учеников. Ваша страница – письмо и поведение. Вверху три пятёрки, три четвёрки, три тройки. И две двойки. Когда интернатник вам отвечает, вы вписываете его фамилию в графу. К пятёрке, четвёрке или тройке. К двойкам лучше не вписывать. Но тоже можно.

– А не проще ли наоборот? Написать фамилии интернатников, а отвечалки ставить напротив фамилий?

– Не отвечалки, а получалки. У нас раньше так и было. Но это портит успеваемость и отвечаемость, – объяснил директор. – Всегда можно поставить лишнюю двойку или пару троек. Они сразу снизят уровень показателей. А так норма отметок выполнена, раз и навсегда. Остаётся только вписывать фамилии ответателей.

– А много у вас преподавателей, уважаемый Механик?

– Зовите меня просто дир. Что значит директор.

– А много у вас преподавателей, уважаемый дир?

– Нет. Двое. Я и вы. Я не стремлюсь к увеличению преподавательского состава. Больше зарплаты достанется оставшимся.

Меховой Механик посмотрел на часы:

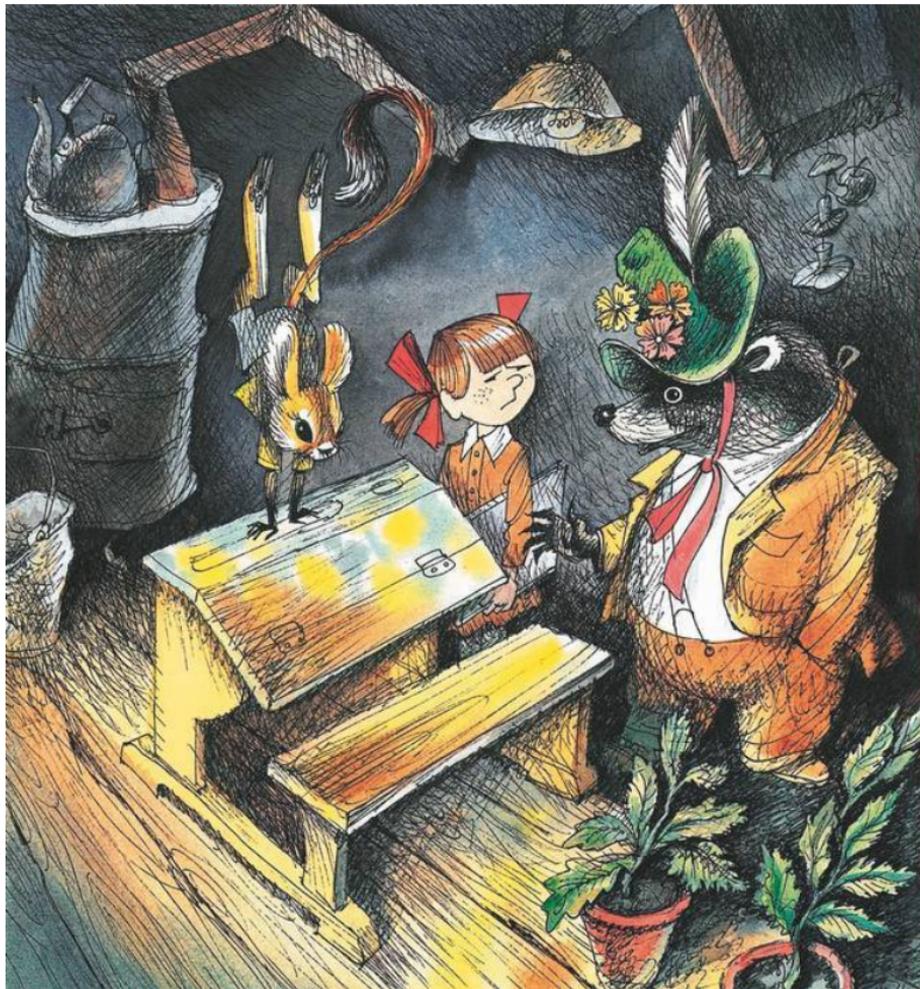
– Всё. Пора включать начинальник.

Он потянул шарик, висящий над столом на верёвочке, и над дачным посёлком поплыл густой пароходно-электрический гудок.

– Пойдёмте, сударыня Люся.

– Пойдёмте.

Главный Бумажный Получальник она несла в руках. Из-за двери класса слышался просто жуткий шум и гам. Как только двери открылись, Люся Брюкина увидела всех своих подопечных. Они были такими, какими она видела их на фотографии. Большие глазастые меховые звери на задних лапах в небольшом количестве одежды.

Ученики сразу затихли. Взялись за крышки парт и все, как один, сделали стойку на передних лапах. Мехмех взглянул на большие ручные часы.

– Почему они так странно вас приветствуют? – спросила

Люся.

– Моё изобретение. Во-первых, собирает и разгоняет сон. Во-вторых, выдаёт тех, кто жуёт мухоморы или бычки. Они сразу блюмкаются. В-третьих, будит уважение.

Минутная стрелка сделала круг на часах, и Мехмех сказал:

– Блюм!

Звери радостно всем классом бухнулись на лапы и сели на скамейки за парты. Все, кроме одного. Большущий тушканчик по-прежнему стоял на передних лапах на парте.

– Так и есть! – сказал директор. – Наокуркился. Дачники оставили много окурков на участках, вот интернатники и жуют их. А потом дуреют. Живут как в тумане.

Он подошёл к замершему ученику:

– Кара-Кусек, пройдите ко мне в кабинет.

Кара-Кусек осовело блюмкнулся на пол.

Меховой директор взял за лапу мехового жевальщика окурков и повёл его.

– Вы занимайтесь с ними. Знакомьтесь. Их фамилии написаны вот здесь. – Он показал обложку Получальника.

Дверь захлопнулась, и Люся осталась с учениками одна.

Они всю тарасили на неё глаза.

А она на них.

На обложке Большого Бумажного Получальника был нарисован план класса. Один стол учителя и сдвоенные столы учеников.

План был такой:

ВИБИ-МОКИ,
НАЦ. МУРАВЬЕД.

СЕВА БОБРОВ,
НАЦ. БОБР.

ИГЛОССКИ
НАЦ. ЕЖ.

БУРУНДУКОВЫЙ
БОРЯ,

НАЦ. БУРУНДУК.

ФЬЮ
АЛЬИЙ ЯЗЫЧОК,
НАЦ. ЛАСКА.

КАРА-КУСЕК,
НАЦ. ТУШКАНЧИК.

ЦОКИ-ЦОКИ,
НАЦ. БЕЛКА.

СНЕЖНАЯ
КОРОЛЕВА,
НАЦ. ГОРНОСТАЙ.

УСТИН,
ЛЕТЯЩИЙ
В ОБЛАКАХ,
НАЦ. ВОЛК

СТОЛ УЧИТЕЛЯ

– Милые интернатники! – сказала Люся. – Давайте знакомиться. Меня зовут Люся. Я буду у вас учительница. Я учусь в четвёртом классе. Я буду преподавать вам поведение и письмо. Сейчас вы покажете мне, что вы умеете. Это делает Сева Бобров.

Со второй парты поднялся улыбчивый Сева Бобров и заявил басистым голосом:

– Я умею перепиливать чурки.

Он взял дровёшко на полу около печки и в момент перегрыз его большими зубами.

– Вот, – показал он Люсе два огрызка.

Люся никак не могла понять, к чему относится столь блистательное владение зубами – к письму или к поведению.

– А теперь вы возьмите мел и напишите своё имя и фамилию.

Бобрёнок подошёл к доске и довольно уверенно написал:

БАБ РОБ СЕ ВА.

– Хорошо, – сказала Люся. – А скажите, пожалуйста, что вы возьмёте с собой, если вы идёте в гости?

– В гости? – обрадовался Сева.

– Да, в гости. Причём к новым знакомым.

Юный интернатник подумал и уверенно ответил:

– Репу.

– Репу?! – удивилась Люся. – Нет. Это что-то другое. Они растут на клумбах... Бывают разного цвета...

Сева сразу догадался:

– Я всё понял. Если я пойду в гости, я возьму кормовую брюкву.

– Отлично, – сдалась Люся, – продолжаем знакомиться.

Ликующий Се-Ва Баб-Ров утянулся за свою парту. Он так и сиял радостью за свои ответы.

– Сейчас напишет своё имя интернатница... Фю... Фью...

Алый Язычок, – продолжила Люся. – Странное какое-то имя.

Сева Бобров снова встал из-за парты:

– Можно я скажу?

– Да, Сева.

– Её зовут Фью-алка, или Свись-алка.

– Почему Свись-алка? Она свисает откуда-нибудь?

Интернатники засмеялись. Развеселились. Сначала тихо, потом сильнее.

– Она ниоткуда не свисает. Просто у неё такое имя, что надо сначала свистнуть, а потом показать что-нибудь красное. Например, язык. Это по-нашему, по-меховому.

– Спасибо, Сева. Это очень красивое имя, Фьюалка. У нас

есть такие цветы – фиалки. Я их очень люблю. Прошу вас сюда.

Она жестом пригласила ученицу отвечать. Сверкнула лаковая молния, и ласка оказалась перед столом. Будто кто-то выключил её изображение за партой и включил его уже здесь, у доски. Она стояла, нервно перебрасывая лапками мел.

– Напишите своё имя.

Лаковая молния, секунду поколебавшись, написала: «Фиалка».

Люся спросила:

– А что вы возьмёте, если пойдёте в дом к новым знакомым?

– Я возьму книги.

Дверь распахнулась, и вошёл дир. Он держал большой чёрный поднос с капустными кочерыжками.

– Перерыв! Перерыв! – сказал он. На нём был белый передник и белый колпак. Видно, он всерьёз экономил хендрики и был ещё и буфетчиком при интернате. – Не перегружайте детёнышей, пожалуйста. Устройте им игры на свежем кислороде.

Интернатники оживились и задвигались. Лаковая молния выключилась у доски и включилась за партой. (Так быстро она перемещалась.)

– Хорошо. Только я закончу урок! – строго сказала Люся. – Дорогие интернатники! Если вы идёте в гости в ка-

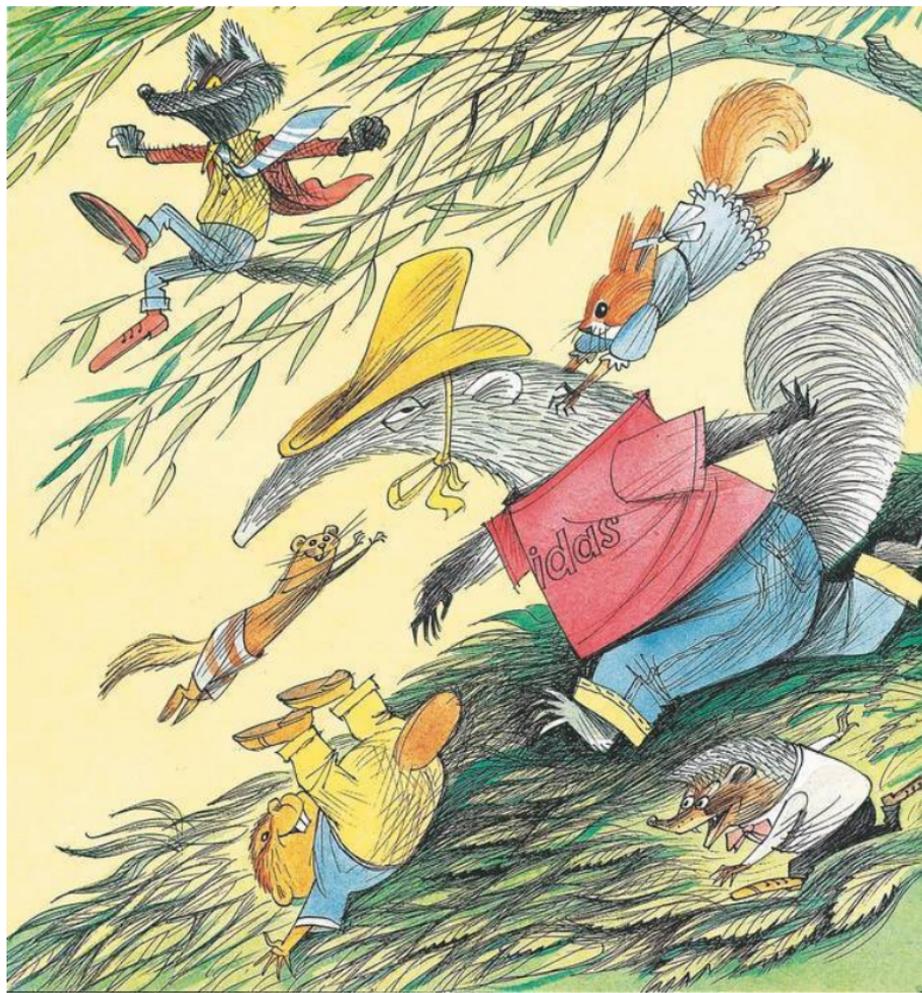
кой-нибудь дом и идёте в первый раз, вы должны взять с собой цветы.

Пауза.

– Не книги. Не репу с брюквой. И даже не дрова. А, я подчёркиваю, ЦВЕТЫ.

Подчёркивать Люся научилась у папы. Папа всегда говорил очень умные вещи и самое умное постоянно подчёркивал.

– А теперь перерыв!

Счастливые интернатники с кочерыжками в зубах высыпали на траву. Причём практически бесшумно. Не топали ботинки, не стучали когти.

– Во что будем играть? – спросила учительница Люся.

– В толкалки! В толкалки! – кричали зверёныши.

– В сшибалки!

– В валилки!

– Что это за игры? – спросила Люся у Всеволода Боброва. – Что надо делать? И кто выигрывает?

– Надо толкаться, пока все не повалятся, – объяснил Сева. – Кто упал последний, тот победил.

– Хорошо, – начальническим голосом сказала Люся. – Играем в валилки. Приготовились.

Старшие интернатники приняли борцовскую стойку. Мелкота побежала хвататься за деревья.

– Готовы? – спросила Люся.

– Готовы...

– Раз. Два. Три... Начали!

И закипела меховая поляна. Ученики хватали друг друга за лапы, за шею, за что попало и валили на землю.

Малышня висла на больших гроздьями. Большие шатались, ходили обвешанные мелкотой и шлёпались. Кто свалился, на лапы не вставал. Подползал к другим упирающимся и вис на них.

Скоро все попадали. Остался на ногах один большой муравьед. Он ходил, весь обвешанный мелкотой, и пошатывался. Но держался. Вдруг белоснежный горноста́й прямо с земли сделал прыжок. И свалился ему на голову. Прыжок был такой, что часть горноста́я была ещё видна на поляне, на траве, а часть уже подлетала к муравье́ду. Муравьед рухнул. И

все радостно завопили:

– Биби-Моки! Биби-Моки!

– Что значит «биби-моки»? – спросила учительница Люся у щекастого Севы.

– Это имя такое. Значит Большая Биби.

Над посёлком разнёсся рёв начинальника. Интернатники кинулись в класс. Люся вошла последней. Как только она переступила порог, все сделали стойку на лапах. Люся сказала:

– Блюм!

И они блюмкнулись.

– Кара-Кусек, к доске.

Тушканчик в джинсовой жилетке вышел из-за парты и сделал прыжок через всю комнату. По дороге он перевернулся и шлёпнулся у доски уже лицом к классу. Люся не знала – так это положено ему или это хулиганство. От того, кто жуёт дачные окурки, всего можно ожидать.

Но класс не насторожился. Значит, всё в норме. Вряд ли Кара-Кусек после беседы с директором станет ещё хулиганить и напрашиваться. Он стоял у доски и грыз мел.

– Напишите, пожалуйста, своё имя.

Тушканчик написал правильно:

КАРА-КУСЕК.

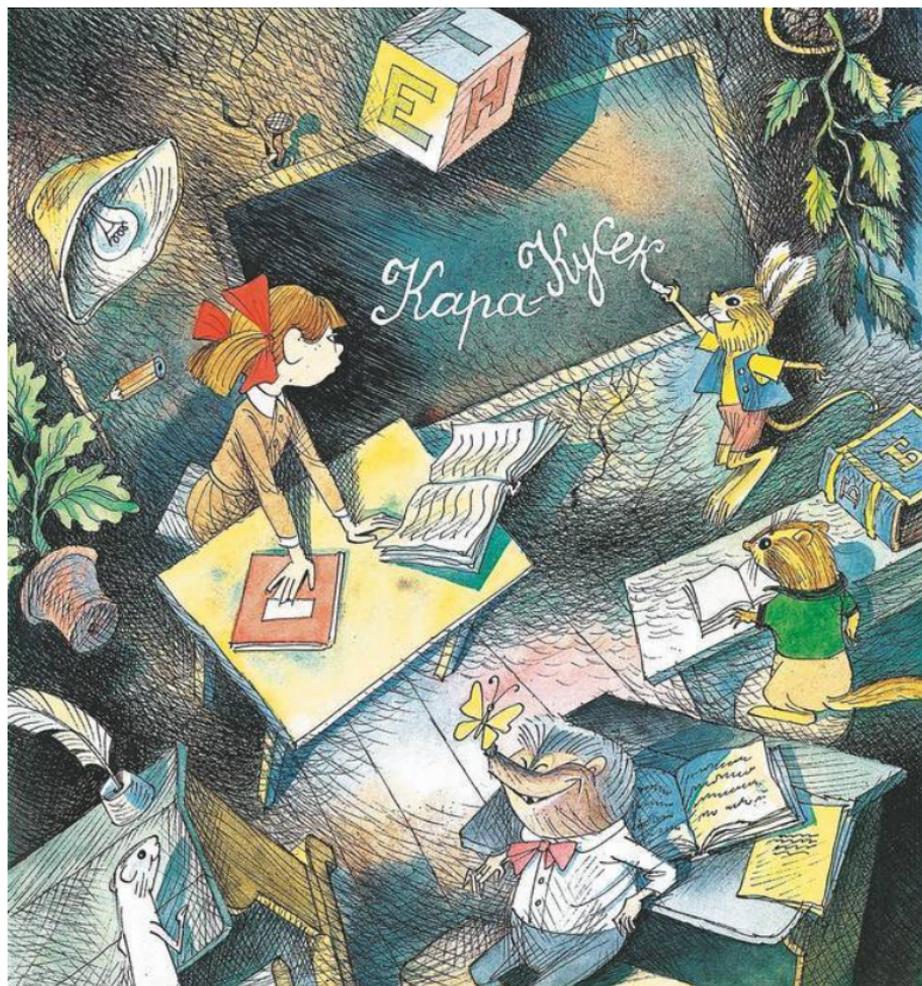
– Теперь просклоняйте его по падежам.

Кара-Кусек принялся склонять. Он говорил и писал:

– Именительный – кто? что? Кара-Кусек. Родительный –

кого? чего? кого нет? Кара-Кусека. Дательный – кому? чему?
Кара-Кусеку...

Он дописал до предложного падежа и приготовился скак-
нуть на свое место.

– Нет, нет, – остановила его Люся. – Вы куда? Куда? Склоняем дальше.

– Склоняем дальше, – согласился интернатник. – Слово «куда». Именительный: куда. Родительный – кого? чего? кого нет? Куды. Дательный – кому дадим конфетку? Куде...

Он просклонял эту «куда» до конца.

Люся была настолько потрясена таким склонением по падежам, что не могла сделать ни одного замечания.

Тогда она задала своей гостевой вопрос:

– А что вы возьмёте, если пойдёте в гости к новым знакомым?

– Цветы! Цветы! – засуетилась белочка с первой парты. Это она так подсказывала.

Люся строго посмотрела на неё. Но Кара-Кусек не нуждался в подсказке.

– Капусту. Три кочана, – сказал он уверенно.

– А если я не люблю капусты?

– Мы сами съедим. Чтобы она не пропадала.

– Кто мы?

– Иглоски и ещё Биби-Моки.

Люся поняла, что она со своими цветами бессильна против вкусной капусты Кара-Кусека. И она уступила.

– Вы свободны, Кара-Кусек.

Жилеточный тушканчик сделал прыжок через весь класс. В воздухе он перевернулся и приземлился прямо на парту.

Люсе очень нравился искрящийся белизной горноста́й, сосед Кара-Кусека. Она заглянула в Получальник:

– К доске пойдёт Снежная Королева.

Горноста́й белым призраком скользнул вперёд. Встал, нервно подбрасывая кусочек мела.

– Напишите, пожалуйста, такое предложение: «Снежная Королева любит танцевать».

Горноста́й написал:

СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА НЕ ЛЮБИТ ТАНЦЕВАТЬ.

– Хорошо! – сказала Люся. Потому что ошибок не было. Хотя она совсем не знала, как к этому относиться. – Напишите ещё: «Вчера Снежная Королева играла с маленькой сестрёнкой».

Горноста́й молча повернулся и опять написал не то:

ВЧЕРА СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА ВЫСЛЕЖИВАЛ
ТЕМНОТЮРА.

Весь класс вздрогнул.

– Я же просила вас написать, что вы играли с маленькой сестрёнкой.

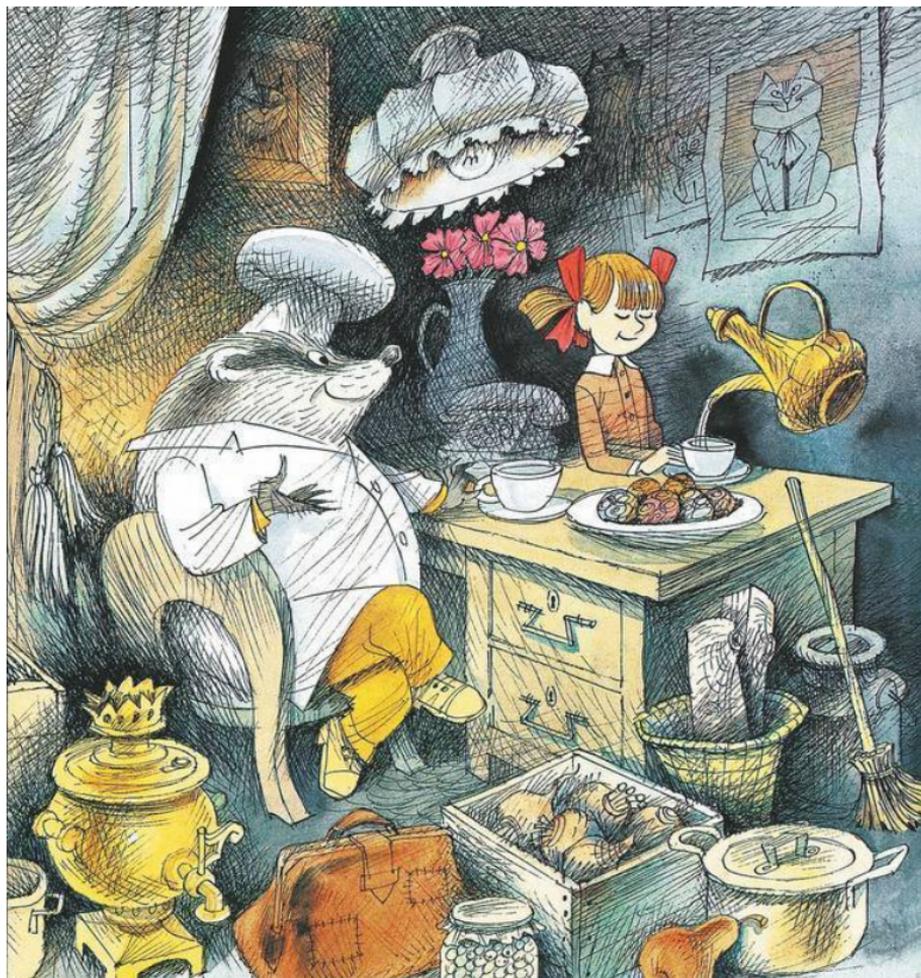
– Я не играл с маленькой сестрёнкой, – возразил горноста́й. – У меня нет сестрёнки.

Люся хотела разузнать – кто такой Темнотюр и почему класс его боится? Но не стала, а повела урок дальше.

– Напишите вот что: «Сегодня ярко светит солнце и желтеют одуванчики».

Тут Сева Бобров поднялся. Он был взволнован:

– Как же он может написать, что желтеют одуванчики, когда они завяли? Они ж не желтеют. И солнце совсем не «очень яркое». А так себе солнце.

Хулиганистый Кара-Кусек закричал с места:

– Осень же! Осень на дворе! Вы что?!

Разгорался скандал. Хорошо, что вошёл дир с очередным подносом. С очищенной картошкой в этот раз.

– Всё! Всё! На сегодня хватит! Перерыв!

Меховой поток бесшумно смыл его и скрылся на лужайке. Поднос опустел.

– Пройдёмте ко мне в кабинет, девочка Люся. Надо оценить первый день работы.

Они сидели в директорском доме. Солидно пили из чашек что-то непонятное: то ли картофельный чай, то ли помидоровый кофе.

– Как прошли ваши уроки?

– Хорошо, – ответила Люся. – Но под конец они взбунтовались.

От удивления дир даже встал из-за стола:

– Как так?

– Надо было написать предложение: «Сегодня ярко светит солнце и желтеют одуванчики». А они отказались.

Дир посмотрел в окно:

– А разве они желтеют? Да и солнце не очень яркое...

Потом он спохватился:

– Я вам объясню, в чем дело. У наших интернатников плохо обстоят дела с обманизмом.

– С чем? – спросила Люся. Теперь она оторопела.

– С обманизмом. Они обманывать не умеют. Всегда говорят правду. Мы даже в интернатскую программу такой предмет ввести хотели обманизм... сочинизм. Но преподавателя найти не можем. Кстати, вы не могли бы взяться?

– Нет, – ответила Люся. – Это не для меня.

– Может, вы кого-нибудь порекомендуете?

– Я подумаю. Это очень сложное дело – обманизм. Нас всегда учили говорить правду.

– Но не врагам, – возразил Мехмех. – А наши малыши даже охотнику Темнотюру правду скажут. Он их спросит: «Где ваши старшие?» Они ответят: «Их нет. Матушка Соня в ночевальне спит. А Меховой Механик в тоннельный склад ушёл». После этого сажай их в мешок. И неси на живодёрню. Люся, вы же не станете врагам правду говорить?

И Люся представила себе, как гуляет она, допустим, где-то в районе Кутузовского проспекта, около секретного завода. И подходит к ней чужеземный шпион, замаскированный под нашего крестьянина: в лаптях, с кинокамерой на боку и с сигарой во рту. И спрашивает:

«Ускажите умне, уза уэтим узабором учто уделают? Увоенные бомбардировщики БУХ-38?»

И как она ему сразу ответит:

«Уничего уподобного. Уза уэтим узабором корытная фабрика находится. Там корыта изготавливают для сельской местности».

«А упочему там пушки стреляют и пулемёты строчат?»

«А потому, что корыта на прочность испытывают».

Это же будет ложь! Потому что весь микрорайон давным-давно в курсе, что за этим забором выпускают не корыта, а трёхдверный перехватчик с десятью моторами. Вертикального взлёта с любой железнодорожной платформы.

– Мне не хочется раздувать штаты, – продолжал Мехмех. – Мы с вами хорошо сработались. Но если вы не можете сами, подумайте о ком-нибудь другом.

Люся сразу подумала про Киру Тарасову.

Междуглавие второе

РАЗНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ И СОБЫТИЯ В ШКОЛЕ

Всем была хороша Кира Тарасова. И юбочкой, и глазами, и очками серебряными. Но врушка она была коллекционная.

– Вчера у моей мамы был день рождения. Её лично Дед Мороз поздравил и группа товарищей. Ей большую медаль вручили из золота. Только она её в метро на эскалаторе забыла. А пластмассовый пакет от медали остался. На нём Мишка олимпийский нарисован.

– У нас два дня космонавты жили. Титов и Кубасов. Кубасов – он моему папе брат. Они ванну принимали в скафандрах.

– Как в скафандрах? В скафандрах в воду лазили? Так они же сухие оставались тогда. Ведь скафандры воду не пропускают.

– Нет, вы не поняли. Они не в ванну в скафандрах лазили. Они в скафандрах ванну принимали. То есть тёплую воду в скафандр наливали и ходили. Получается стоячая ванна. И

сразу физкультура. Потому что в такой ванне по квартире походишь – сразу нагрузка. И проверка для костюма космического. Не протекает ли где.

– У моей бабушки в деревне ручной медведь живёт. Она его в телегу запрягает. Он её возит. И квас в селёпо доставляет. А сейчас зима. Он под бабушкиной кроватью спит. Весной его разбудят. Со всего района будильники соберут. Поедете к нам в деревню, сами увидите.

– А где деревня? Далеко?

– Под Кисловодском.

– Но там же медведи не водятся.

– Это раньше не водились. Сейчас водятся. Там целая

медвежья ферма есть. Там медведей для цирка разводят. Как кроликов.

С Кирой Тарасовой Люся и решила поговорить насчёт обманизма. Но тут вышла осечка. Кира учительницей быть соглашалась, но врушкой себя не признавала.

– Я? Никогда не вру. И не сочиняю. Я могу абсолютный правдизм преподавать, то есть неврунизм.

– Им не нужен неврунизм, – рассказывала Люся. Она сегодня специально села за Кириин стол. Кира настолько завралась, что сидела одна. Её вранья никто не выдерживал. – Этим интернатникам нужен обманизм. А то они на живодёрню попадут. Из-за своей честности.

– Как так на живодёрню?

– А так, придёт охотник и спросит: «Где ваши старшие?» Они честно ответят: «Никого нет дома. Мы одни сидим». Бери этих малышей и сажай в мешок. А надо, чтобы они умели хоть немного соврать. Придёт охотник с мешком и спросит: «Где ваши старшие?» – «Да нигде. Дедушка барсук на веранде сидит, пулемёт перебирает. Бабушка Соня на кухне с милицией чай пьёт. И две девочки-учительницы в саду волшебную дубинку испытывают».

– Ты и преподавай свой обманизм, – сказала Кира. – У тебя хорошо получается.

К девочкам подошла учительница. Она посмотрела Люсиину тетрадь, потом Кириину.

– Тарасова, – спросила она, – ты почему не выполнила домашнее задание?

– Понимаете, Ирина Вадимовна, у меня папу в армию забрали. В парашютные войска. И мы с мамой всю ночь ему спортивную форму шили.

– Как форму? Твой же папа уже был в армии. Давно.

– А его снова позвали. Уже начальником. Потому что он хорошо прыгал. Без него не справляются. Всё разладилось. Мы ему лампасы на джинсы пришивали. А бабушка парашют вязала на спицах.

Ирина Вадимовна даже растерялась. Ничего себе новости! Оказывается, теперь парашюты на спицах вяжут! А сорокалетние снова в армию идут.

– Бедная девочка! – погладила она Киру по голове.

А когда Ирина Вадимовна отошла, Кира сказала:

– Я не бедная! У нас квартира на двадцать восемь комнат. И дядя из Швейцарии ящик с магнитофонами прислал. Он там всемирный конгресс водопроводчиков проводит. Ну что, берёшь меня правдизм преподавать?

– Ни в коем случае.

– Тогда я всем про тебя расскажу. И про твоих интернатников.

– Нельзя. Про них нельзя говорить.

– А я вот расскажу. Ребята, ребята! – зашептала она голосом диктора Центрального телевидения. – Наша Брюка в загородном парке учительницей работает. Зверям русский

язык преподаёт. И поведение.

Упитанный Игорь Трофимов и ехидноглазый Спальников немедленно повернулись на шёпот, придвинулась и тростиночноногая Катя Лушина.

– Прошу поподробнее, – попросил Игорь. – Каким зверям? Хищникам? Парнокопытным? Обезьянам? Какой язык – устный или письменный?

Таких подробностей Кира не знала.

– А откуда тебе это известно? – спросила Катя Лушина. – Про Брюкину?

– Она меня туда звала. Приглашала.

– Снова прошу поподробнее, – съехидничал Трофимов. – Приглашала в качестве кого? В качестве хищника? Парнокопытного? Человекообразного?

– Она меня учительницей звала. Обманизм преподавать, – уже не телевизионным, а простым шёпотом сказала Тарасова.

– Прекрасный выбор! – заявил Спальников. – За чем же дело стало? – И сам же себе ответил: – А за тем, что она такое напреподаёт, что все звери разбегутся. Во главе с директором зоопарка.

– Ещё заставит их ванну в скафандрах принимать, – добавил Трофимов.

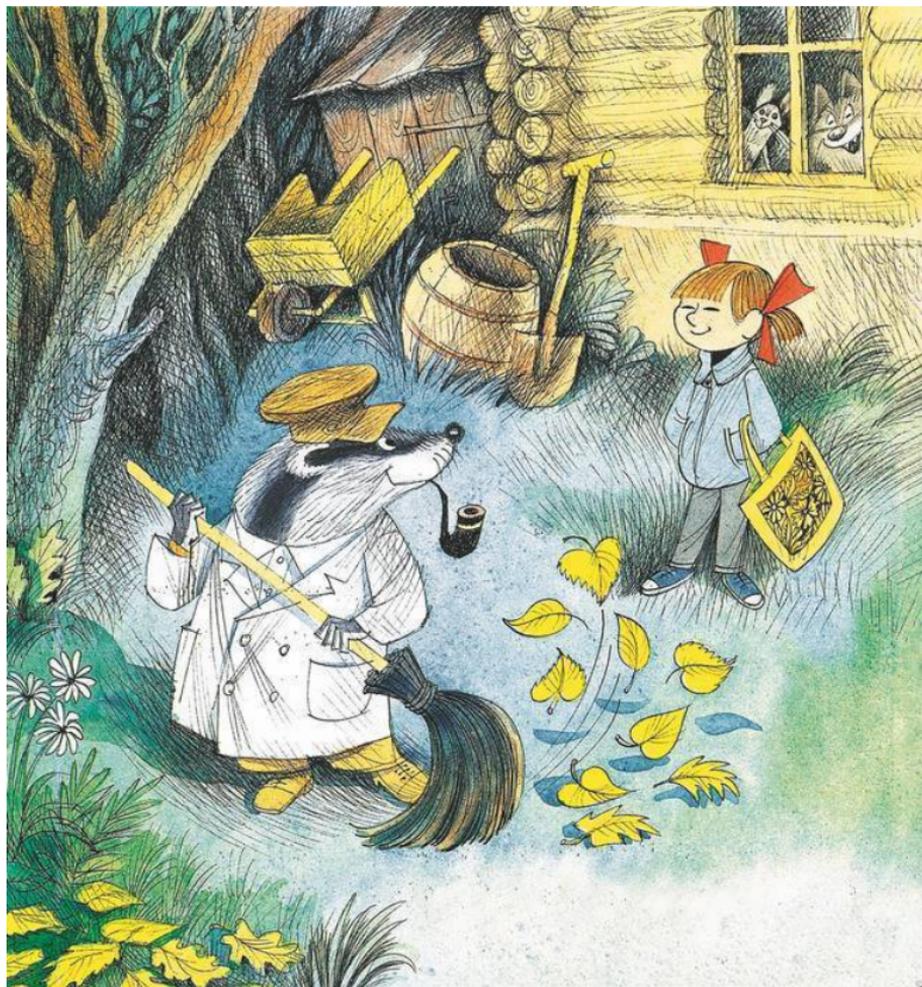
– Или лампасы к джинсам шить, – сказала Лушина.

– А то всех зверей отправит в парашютные противопожарные войска, – продолжил Спальников. – Им никаких проти-

вогазов не надо. Они и так страшные.

– Вы смеётесь, а я правду говорю! – голосом пионера из детского театра закричала Кира. Но ей никто уже не верил. И все отвернулись от неё. Каждая шутка хороша в меру.

Глава третья АВСТРАЛИЙСКИЙ ПЛЮМБУМ-ЧОКИ

В этот раз в электричке Люся держалась солидно и строго. У неё уже был немного учительский вид. Один сельский первоклассник даже потянулся ей место уступить. Но потом спохватился, сел и в знак протеста стал рассматривать потолок.

На станции Интурист погода была на «отлё». Краски гущённые, сочные. Недоеденное объявление было заменено новым, некусаным. Но неразборчивым.

«Продается трёхместная новая байдарка. Там же имеется породистая охотничья... чая... ка. С хорошей родословной. В хорошие руки бес...»

«Ничего себе, – удивилась Люся. – Разве бывают охотничьи чайки? И на кого они охотятся? На лягушек? На рыб? А что это за бес в хорошие руки? У меня руки хорошие, возьму беса. А ещё лучше бесёнка. Интересно, как он выглядит?»

Дачный посёлок дымился одинокими пенсионерскими кострами. Пожилые люди сжигали осенний мусор.

...Интернатники ликовали. Увидев Люсю, они шмыгали по участку отдельными личностями и клубились у окна в класс целым коллективом.

Дир сейчас был не дир, а «двор», то есть дворник. Он с метёлкой в руках воевал с травой и листьями. И жёг костёр.

– Здравствуйте, – сказала Люся.

– Здравствуйте, уважаемая сотрудница.

Люся взяла светский беседовательный тон:

– Осень.хлопотное время для садовода.

– При чём тут садоводство? – удивился дир. – Это я варенье варю.

– Наверное, у вас ягод много. Пропадают.

– Ягоды? – удивился дир. – Я овощное варенье варю. Помидорно-капустное.

– Это входит в ваши обязанности как дворника или как директора?

– Как врача.

– Почему как врача?

– Потому что матушка Зюм-Зюм заболела. Её надо лечить.

Люся разглядела ведро на костре и белый халат на Меховом Механике. И учуяла запах потрясающего капустного варенья с помидоровым уклоном.

– Матушка Зюм-Зюм – это наша кормилюндия. Её надо ставить на ноги, а у меня ни одного хендрика нет. Не пришли ещё.

«Оказывается, хендрики ходят! – отметила про себя Люся. – Наверное, они вроде цыплят».

Вслух она сказала:

– Извините, дир. Меня уроки ждут. Бумажный Получальник в кабе? В кабинете?

– Он в главном управлении Получальников на проверке. Возьмите Большой Вафельный Отметник.

– А как им пользоваться? – спросила девочка.

– Очень просто. Он сделан из вафли. За каждый правильный ответ можно давать учащемуся грызть. Чем лучше ответ, тем больше можно откусить.

– Они ж его сразу съедят.

– Вы не давайте. Он разделён на квадратики, как шоколад. За пятёрку пять квадратуриков. За четвёрку – четыре. За двойку – только понюхать давайте, а кусать нельзя. Те, которые нюхаются, очень хорошо потом учиться начинают.

Люся прошла в директорскую, взяла Вафельный Отметник и потянула за шарик начальника.

При её появлении в классе интернатники встали на передние лапы. От радости они махали задними лапами и раскачивались.

Люся посмотрела на часы и сказала:

– Блюм.

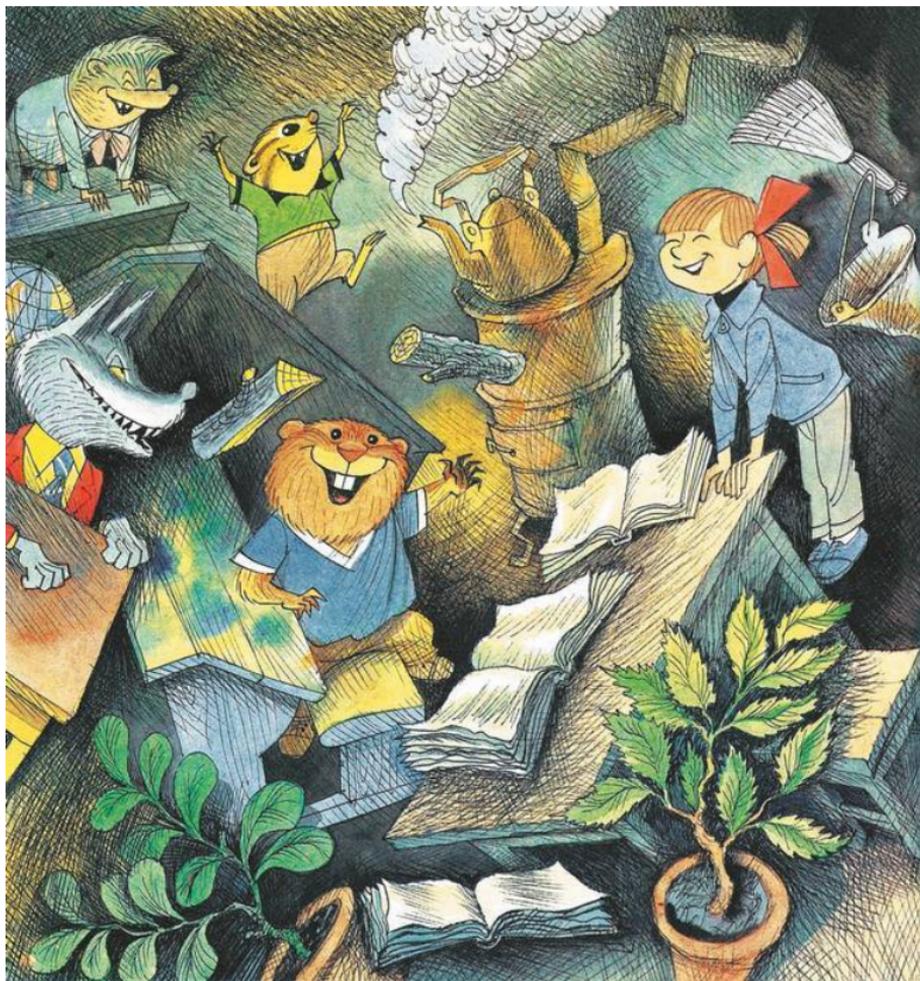
Класс радостно рухнул. Но тишины не было. Кто-то тихо барабанил лапами, кто-то урчал, кто-то колотил по скамейке хвостом.

– Что это значит? – спросила Люся удивлённо. – Почему шум?

– Это мы вам радуемся! – сказал щекастый Бобров.

– Спасибо! Я тоже рада вас видеть. Но при этом я не стучу хвостом по столу и не рычу. Нужно учиться выражать свою радость по-другому. Если вы от радости зарычите на человека, он насторожится. Испугается и убежит. Надо улыбаться. Вот так.

Люся показала, и все интернатники сделали «вот так». Получилась просто жуть. Столько зубов, один острее другого! И все оскалены для показа. Особенно старался Сева Бобров. Он выставил все свои зубы, как будто собирался перегрызть колючую проволоку.

– Нет, – сказала девочка. – Так получается ещё хуже. Не только простой прохожий, милиционер испугается. При улыбке надо уголки рта поднимать вверх.

Интернатники попробовали.

– Уже лучше. Сняли! А теперь продолжаем занятия. Я прошу подойти к доске... вас, – попросила она бурундукового подростка с задней парты, соседа муравьеда Биби-Моки.

Тот подошёл застенчиво-развязной походкой, держа лапы за спиной.

– Возьмите мел, уважаемый интернатник, и напишите, как вас зовут.

Бурундучок написал:

БУРУНДУКОВЫЙ БОРЯ.

– Хорошо. А теперь напишите, сколько вам лет.

Боря показал ей лапки. Чёрные когтистые ладошки.

– Ты хочешь сказать, что тебе десять лет? – спросила Люся.

Боря опустил нос вниз.

– Он хочет сказать, что ему нечем писать, – встрял зубастый Сева Бобров. – Он мел съел.

– Это от хулиганства? – спросила Люся.

– От застенчивости. И от того, что он растёт.

– Что же мы будем делать? – растерялась девочка.

– Давайте в валилки играть! – завопил Кара-Кусек. – Или в скакалки.

«Не иначе наокурчился», – опасливо решила Люся. И сказала строго:

– Ни в какие валилки мы играть не будем. Мы продолжим занятия. У кого есть мел?

– У меня, – встал черноносый игластый ёжик с первой

парты. – У меня в спальне. Можно я принесу?

– Хорошо. А Бурундуковый Боря сейчас расскажет нам стихотворение.

Ёжик, гремя иголками, ринулся за мелом, а Боря спросил:

– Про любовь можно? – и опустил нос под мышку.

Люся сказала, что можно. Боря стал читать:

Мороз и солнце; день чудесный!

Ещё ты дремлешь, друг прелестный...

– Всё.

– Где же здесь про любовь? – спросила Люся.

– Про любовь дальше.

– Ты и прочитай дальше.

– А я дальше не помню. Я могу это ещё раз прочитать.

Можно?

– Можно. Читай.

И Боря ещё раз с тихим удовольствием прочёл:

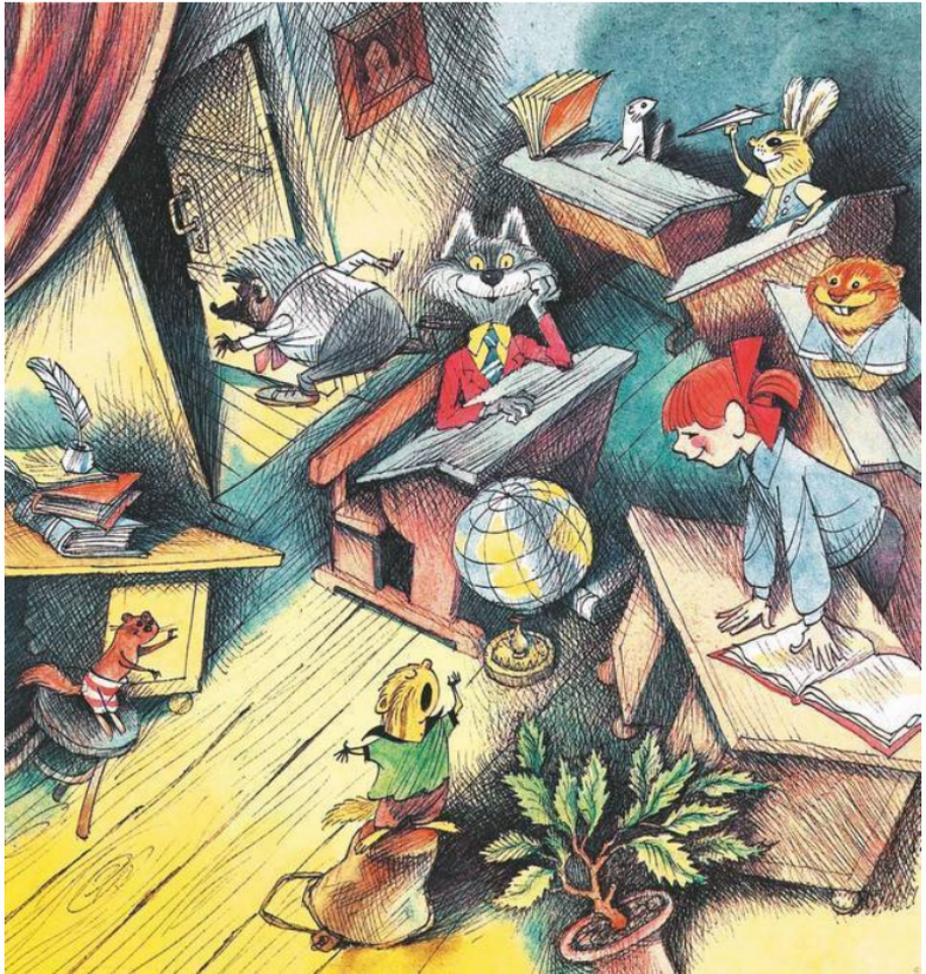
Мороз и солнце; день чудесный!

Ещё ты дремлешь, друг прелестный, —

и снова сунул нос под мышку.

«Ничего себе интернатники! – подумала Люся. – Мел едят! Про любовь стихотворения читают. Научи их чему-нибудь. Вот у нас в классе мел не едят. И вообще, с нами прощай».

Тут она притормозила – проще ли? И решила проверить, понаблюдать за тем, что в ЕЁ классе мешает процессу обучения школьников. Сколько мешаний будет за неделю.

Пока Бурундуковый Боря стеснялся и дышал в рукава, черноносый игластик с первой парты вернулся с большим куском мела.

– Вот.

– Где ты его взял?

– Он у меня в зимних ходилках лежал.

– Зачем?

– Мы хотели, чтобы считальный урок отменили. И спрятали в ходилки.

Люся с трудом догадалась, что это валенки.

– И что? Отменили урок?

– Нет. Не отменили. Мехмех проверялку устроил. Меня в двоечный раздел записали.

– И меня! – вспомнил Бурундуковый Боря.

Он так расстроился от воспоминаний, что взял мел и стал его грызть.

– Подожди, не ешь, – сказала Люся. – Напиши, сколько тебе лет.

Боря наморщил лоб и закатил глаза.

– В какой системе? В меховой или в людовецкой?

– В какой такой «людовецкой»?

– В людовецкой – это в какой люди считают.

– Напиши в людовецкой, – согласилась Люся. – То есть в человеческой.

Бурундуковый Боря написал:

В ЛЮДОВЕЦКОЙ С. МИНЕ СИЧАС 8 ЛЕТ.

– А в меховой системе?

В МЕХОВОЙ С. МИНЕ СИЧАС 16 ЛЕТ.

Люся ничего не поняла.

– Может, ты что-то напутал? Как может быть два возраста? При чём тут меховая система?

Но застенчивый мелопоедательный бурундук стоял на своём:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.